

НОВЫЙ ОПЕРНЫЙ СЕЗОН

43 М. — 25. IX. 34

ИТАК — новый оперный сезон. Есть в этом сезоне нечто необычное, не такое, как всегда. Ветховен каллисал единственную оперу. Ее никогда не слышала советская Москва. В этом сезоне «Фиделио» пойдет. Нет нужды обосновывать право Ветховена на место в репертуарных планах. Гораздо труднее объяснить, почему эти гениальные картины борьбы за свободу человека так упорно и так долго «крышались» от московской оперной аудитории.

Впервые в новом обличье предстанет Верди.

Москва услышит «Фальстафа». Тот же Верди, но уже творец радостнейшей музыкальной драмы, смело рвущий с заскисшими канонами типичной итальянской оперы. Как солнечная улыбка сверкает молотовская «Covi fan tutte» («Все они таковы»). Этой полной зазора и грации музыкальной комедией завершается у нас оперный цикл Моцарта. Пять шедевров жанра — лучшего из композиторов («Свадьба Фигаро», «Дон Жуан», «Похищение из серая», «Волшебная флейта», «Covi fan tutte», поставленные Себастьяном) против входят в репертуар самой радостной в мире страны.

Как удастся все это «показать» в один сезон? Оперный концерт как одна из новых форм легко и просто решает проблему «показа»,

такую сложную подчас в оперном театре. Это, впрочем, никак не оправдывает медлительности в оперной постановке опер. К сожалению, как театры попрежнему демонстрируют «лабораторные» темпы. Все же и оперная рампа сулит москвичам нечто принципиально новое.

Это — критический пересмотр накопленных богатств. Переоценка ценностей. Когда занимались этим в опере впервые? Впервые за много лет музыкальное руководство Большого театра (С. А. Самосуд) приводит переоценку текущего репертуара. Не одни «юнкеры» должны зазвучать по-новому. В работу «без отрыва от производства» пускаются: «Садно», «Нияз Игорь», «Снегурочка», «Фауст», «Сеньковский цирюльник», «Трагедия»...

Возобновляется «Руслан и Людмила». У кого не сохранились в памяти классическая фраза старых ценителей: «Впервые по возобновлению? Кто не помнит и самых этих «премьер», и музейной добросовестностью реставрировавший вековую пыль оперных традиций и рутины? Кому все основания думать, что «Руслан» под музыкальным руководством такого художника, как Самосуд, прозвучит не только возобновленным, но и настояще обновленным.

На протяжении одного сезона Москва услышит разные трактовки оперных партитур.

«Кармен» — под управлением Фрица Клейбера. В прошлом году лица аудитории повнимательнее в симфонических концертах с этим блестящим мастером оркестровых звуков, тонким и своеобразным постановщиком смыслов композитора. Одно сочетание имен Визе-Клейбер превращает всем знакомую «Кармен» в большое музыкальное событие.

Фриц Штайндт будет дирижировать оперой «Свадьба Фигаро». Москва получит таким образом возможность сравнить две интерпретации гениального произведения (Штайндт — Себастьян).

По гостеролям Ленинградского оперного театра москвичи хорошо знают, как дирижировал Самосуд «Пиковой дамой». Такого свежего исполнения давно не слышала Москва. Вероятно, по новому прозвучит теперь в Большом

театре не только «Пиковая дама», но и «Юрис Годунов», над которыми работает Самосуд.

Права гражданства будет завоевывать в этом сезоне оперный спектакль-концерт. От театра он берет динамику сценического действия. Актеры такого спектакля даются и «действуют» почти, как в театре. От камерной эстрады берутся максимальная скупость и экономия изобразительных средств. Певцы обходятся без непрошенных для любой театральной постановки атрибутов: декораций, грима, костюмов. Все это дается только в наметку. Вместо полного турецкого костюма — феска, вместо графских покров — два нарядных кресла. Дальнейшее увлечение сценическими аксессуарами вернуло бы спектакль-концерт обратно к театру.

В концертных формах пойдут «Фиделио», «Фальстаф», «Covi fan tutte». Все три оперы ставит дирижер Себастьян. Именно ставит, а не только управляет оркестром и певцами. Чрезвычайно интересная проблема сочетания в одном лице режиссера и дирижера будет решаться на реальный по содержанию и силе материал.

Всю эту программу осуществляет Галицианский. В значении, программа перестает быть только московской и становится всесоюзной...

И в Большом, и в театре им. Станиславского прозвучит в этом сезоне «Борис Годунов». Советским художником предоставлено право на эксперимент. Разумеется, каждый эксперимент должен быть оправдан созданием новых ценностей, дополнительных творческих откровениями. В свое время театр Станиславского воскресил подлинную редакцию Мусоргского и создал из «Бориса Годунова» спектакль большой драматической силы и выразительности. Какой пышной беззвучной оказалась по сравнению с ним «казенно-оперный» «Борис» в Бодкин!

Но два «Риголетто» под одной крышей — в театрах Станиславского

и Намировича-Данченко? Что может дать этот параллельный показ? «Риголетто» требует почти виртуозного вокального мастерства. Им больше чем в скромных дозах располагают соревнующиеся коллективы. Мы уже не говорим о широкой популярности этой оперы. Она звучит и со сцены Большого театра, и по радио (кстати, в граммофонных записях корифеев европейской оперной сцены). Итого — четыре варианта давно и широко известной оперы!

Трудно думать об «американах» в этом произведении, достаточно раскрытом в своей музыкальной и театральной сущности. Интересно, чем обосновано то, что сразу два театра столь ровненько и энергично выявили за «американами»? К сожалению это остается «секретом производства»...

В репертуаре театра им. Намировича-Данченко появляется и «Пиковая дама». Это — уже третий вариант после Большого и театра Станиславского. Не слишком ли много «пиковых дам» для одной «театральной кокоды» Москвы?

Слов нет. Эта опера Чайковского имеет право на истолкования. Но сезон несет новую работу Самосуда. Вариант «Пиковой дамы» сохраняется и в репертуаре у Станиславского. Почему же в театре им. Намировича-Данченко не появилось совсем недавно «Пиковую даму»? Разве мировой оперной литературе нет произведений, достойных театрального воплощения? Под словом лежит важнейшее наследие итальянских, французских, немецких классиков (Доницетти, Веллини, Глюк, Обер, Вебер и др.). Вне репертуара — Серов. Не видит света московской рампы «Чародейка», «Черешки», «Йоданга», «Орлеанская дева» Чайковского. Бабыны без великих оправданий «Болотой петушки», «Калейда», «Ночь перед рождеством», «Моцарт и Сальери» Ринского-Коракена. Спесом — далеко не исчерпывающий. При этих условиях четыре параллельных варианта «Риголетто» и три «Пиковых дамы» — прямое объяснение в гурманстве, в растрахе творческих сил и материальных средств.

Театры не выполняют своей основной задачи — пропаганды оперной культуры во всем ее многообразии. Пусть

руководители некоторых оперных молдопостанов «сценичны и нелюбопытны». Комитет по делам искусства обязан выправить репертуарную линию там, где она уходит в бесплодные ветвистости и на место бесконечных вариаций поставить последовательное освоение всего классического богатства. В единственном плане этой важнейшей работы комитет должен использовать все оперные театры соответственно их творческому лицу и реальным возможностям.

Только один Большой театр четко обещает в нынешнем сезоне советскую оперу («Покаяние челина» И. Державинского). Каких еще новин, на этом важнейшем участке мы вправе ждать и требовать от остальных?

У Станиславского ведутся разговоры о постановке пока неаполненческой оперы молодого композитора Станиславского. Число почти шесть лет после неудачи с оперой Денисова «Лид и сталь». Повидимому, эта неудача была всеобщим посярпанием. Как «спасло» на опера театр от всякой дальнейшей работы над советской оперой.

В планах театра им. Намировича-Данченко — задушевные, но неаполненческие оперы Хренникова и Шостаковича. Показательный контраст! Когда дело идет о аристократических оперных воплощениях, в репертуарные планы других театров — коллективы полной энергии. Когда дело идет о советской опере, — фигурируют одни только «вашицы», по неопределенности своей пикные и не к чему не обязывающие.

Театры снова демонстрируют порочную традицию. Они ждут законченных, отличных форм советской оперы вместо того, чтобы совместно с авторами искать и творить эти формы в недрах театра. Нужны воля, настойчивость, дружеская и умелая помощь композитору и либреттисту.

Планы театров нудаются в коренных поправках прежде всего за счет ликвидации явных творческих расстрой на параллельных переменах одной и той же темы.

Сезон начался. Но время стонды еще не потеряно.

Е. КАНИ.